

giorgi (guguli) qeburia
ГЕОРГий (ГУГуЛи) КЕбуРия

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

TAVISUFALI
TARGMANEBI

Коллектив авторов
Вольные переводы

«СУПЕР Издательство»

Коллектив авторов

Вольные переводы / Коллектив авторов — «СУПЕР
Издательство»,

ISBN 978-5-9965-0330-8

В 2008 году литературное творчество автора было отмечено почетным дипломом и статуэткой Пегаса (Мерани) Союзом писателей Грузии за сборник стихотворений и переводов грузинской поэзии и прозы на русский язык.

ISBN 978-5-9965-0330-8

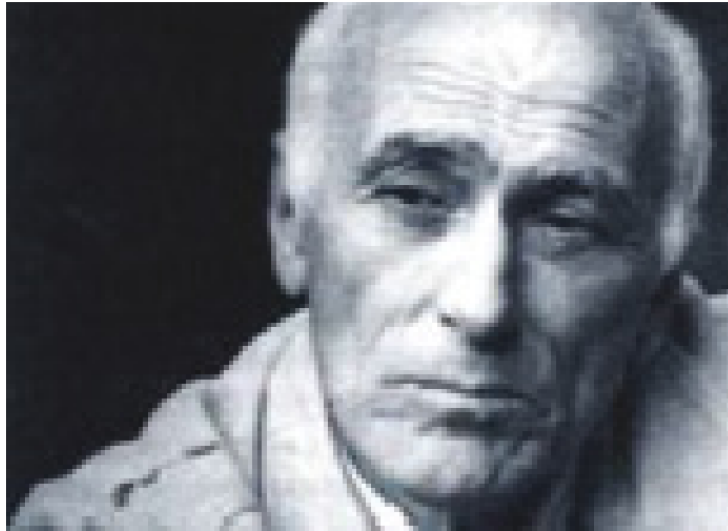
© Коллектив авторов
© СУПЕР Издательство

Содержание

О поэзии вообще и в частности «К портрету старого гусара»	9
Народное	13
Миха Хелашвили	14
Николоз Бараташвили	15
МЕРАНИ	15
Важа Пшавела	16
ОРЕЛ	17
Константинэ Гамсахурдиа	18
Терентий Гранели	19
ВСЕВЫШНИЙ	19
ВЕТРЫ	20
Георгий Кебурия	21
ПОСВЯЩЕНИЕ ГРАНЕЛИ	21
Галактион Табидзе	22
ОДИНОЧЕСТВО	22
НАД ТРАВОЮ СВИСТ КОСЫ	23
ЧЕМ ДАЛЬШЕ ТЫ	24
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...	25
ГЛАЗА МЕРИ	26
МЕРИ	27
ВЕТЕР ВИХРЕМ НЕСЕТСЯ	29
ЧЕРНЫЙ ВОРОН	30
КОТОРЫЙ ЧАС?	31
Тициан Табидзе	32
ИЗ КНИГИ «ГОРОДА ХАЛДЕИ»	32
Ладо Асатиани	33
НА КАРТЛИЙСКОЙ ДОРОГЕ	33
В ГРУЗИИ	34
ЗАЗДРАВНАЯ	35
О ЧЕМ ПОВЕДАЛ ВАЖА ПШАВЕЛА	36
Мухран Мачавариани	38
Шота Нишнианидзе	39
ОДИНОЧЕСТВО	39
Ное Чхиквадзе	40
Бесик Харанули	42
* * *	42
В ГРУЗИИ	43
Гизо Нишнианидзе	44
Вариации на тему Кишварда Исакадзе	45
Анна Каландадзе	46
* * *	46
ТУМАН В ГОРАХ	47
ВЛЮБЛЕННАЯ СИРЕНЬ	48
МИГ	49
Иза Орджоникидзе	50
Импровизации на темы Изы Орджоникидзе	51

Резо Амашукели	52
***	52
Импровизация на тему Резо Амашукели	53
ПОСВЯЩЕНИЕ РЕЗО АМАШУКЕЛИ	54
Джанико Георгадзе	55
***	55
Импровизация на тему Джанико Георгадзе	56
ОДИНОЧЕСТВО	56
ПАМЯТИ ДЖАНИКО ГЕОРГАДЗЕ	56
Лия Стура	57
СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР	57
Гурам Рчеулишвили	59
ЛЮБОВЬ В МАРТЕ МЕСЯЦЕ	59
МЕДЛЕННОЕ ТАНГО	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вольные переводы

Некий писатель сказал, что в Грузии больше грузинских поэтов, чем самих грузин. Гугули Кебурия – русскоязычный грузинский поэт, но поэт истинный! Думаю, этим достоинством и привлечет он внимание русскоязычных любителей поэзии. В добрый путь, Гугули!

Чабуа Амирэджиби. Тбилиси. 15.09.98

Моб. 595 57 41 94;

E'mail: keburia@yandex.ru giorgikeburia.blogspot.com

Fb: Guguli Keburia

Впервые стихи Гугули Кебурия были напечатаны в прош логоднем номере нашего журнала. Так что к выходу первого его лирического сборника у Гугули Кебурия уже был «свой» читатель.

Истоки феномена «русскопишущих» поэтовг рузин восходят к началу прошлого столетия. Гугули Кебурия продолжает ту вековую литературную традицию, которая, кстати, почти, совсем, не исследована.

Вернемся, однако, к самому Гугули Кебурия – его стихам и прозаическим опытам (Кстати, у него есть также успешный дебют в переводческой сфере).

Все то, о чем пишет Гугули Кебурия, – глубоко прочувствовано. Поэтому поэтическая искренность (так же, как и человеческая) одно из его несомненных достоинств.

Для русскоязычного читателя знакомство с книгой Гугули Кебурия будет равносильным знакомству с миром типичного интеллигентного тбилисца на рубеже двух столетий.

Уверен, это знакомство будет интересным и не поверхностным. Гарантом этого служит тот внутренний нерв, который постоянно ощущается в стихах Гугули Кебуриа, и вся богатая палитра его творчества.

*Заза Абзианидзе, критик,
главный редактор журнала «Литературная Грузия»
22. VI.1999 г.*

О поэзии вообще и в частности «К портрету старого гусара»

*Смотрите, как летит, отвагою пылая... Порой обманчива,
бывает седина. Так мхом покрытая бутылка вековая Хранит струю
кипучего вина.*

М. Ю. Лермонтов

По профессии я эколог и поэтому не претендую на какое-либо место в иерархии поэтов.

И. Бродский в своей Нобелевской лекции в 1987 году отмечал: «Человек принимается за сочинение стихотворения по разным соображениям: чтобы завоевать сердце возлюбленной, чтоб выразить свое отношение к окружающей его реальности, будь то пейзаж или государство, чтоб запечатлеть душевное состояние, в котором он в данный момент находится, чтоб оставить – как он думает в эту минуту – след на земле... Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку... Стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения».

Сколько бумаги порой изводят люди, но, в лучшем случае, иногда остаются в истории литературы как авторы одного стихотворения. А порой, хоть автор и не запоминается, но само стихотворение надолго переживает своего создателя.

Я, например, не могу удержаться от соблазна предложить читателю одно стихотворение, которое помню с детства, хотя, к сожалению, имя автора (кажется, Бахметьев) позабыл.

Никто сегодня и не помнит о Владимире Чимакадзе, а какой поэт не захотел, бы поставить свою подпись под его коротеньким стихотворением. Увы, сегодня оно звучит уже, скорее всего, как эпитафия. Это было когда-то и где -то,

Впрочем, может быть, не было этого.
Ваша комната, полная света,
И халатец из ситчика светлого.
Растерял я когда-то и где-то
Все, что было хорошего, светлого.
В вашу комнату, полную света,
Как попасть мне из хаоса этого?

По большому счету, тема – «что в имени твоём» – слишком хрупка и недолговечна, ведь цивилизации, а «в недалеком будущем» и все человечество навсегда сойдут со сцены. Мы обречены самим фактом своего существования, – это рождает наш пессимизм, но это и стимулирует нашу любовь к жизни и желание поделиться этой любовью с другими. Люди продолжают жить в своих произведениях чисто символически, ибо все-таки главное в творчестве – сам результат, а не автор.

Поэзия не признает ни политических, религиозных и географических границ, ни возрастных ограничений. Все многообразие жизни расцветает в творениях автора и придает вкус его плодам.

Стихотворения несут в себе закодированные гены их авторов и, как живые организмы, из поколения в поколение продолжают существование, как цветы или ягоды, украшая и чем-то даже оправдывая смысл нашего бытия.

* * *

На мои стихи Нато Арчвадзе часто писала пародии. Из этого материала я потом составлял диалоги, так что она вполне законный соавтор соответствующего раздела книги, за что я и приношу ей глубокую благодарность.

Реакция моей дочери выразилась в форме рисунков, и я с удовольствием поместил их в книге в надежде на то, что через них будет, протянут мост к молодому поколению.

Эпиграфы – отправные точки путешествия в мир поэзии, они, как камертоны, подсказывали интонацию, настроение, хотя иногда подбирались позже, вдогонку к стихотворению.

Мои переводы далеки от подстрочника, они возникли скорее как ассоциации, как родственное состояние души. Иногда мой перевод имеет с оригиналом лишь общую «станцию» отправления. Используя оригинал как трамплин, я в полете остаюсь наедине с самим собою, ибо таким образом все равно подхожу к вершине истины гораздо ближе, чем если бы упрямо пытался дословно передать содержание стихотворения.

Бальмонт, переведивший «Витязя в тигровой шкуре» гениального Шота Руставели, приводил слова Сервантеса о том,

«...что всякий перевод похож на узорную ткань, показываемую с изнанки...». Но есть ткани красивые и с лица, и с изнанки. Интересно мнение Беллы Ахмадулиной о сущности перевода:

«...Я рассматриваю перевод, как любовь одного человека к другому...»

Мне кажется, что подстрочник – это дитя, если можно так сказать, которое беззащитно, оно потеряло ту жизнь, в которой оно жило на родном языке, и еще не определило новой жизни. Пока это только дитя, с которым можно сделать все, что угодно, и лишь настоящее искусство поставит, направит, усыновит это дитя, сделает его не только своим ребенком, но отнесет ко всему миру, чтобы весь мир принял его в свои объятия.

...Мы говорим о пределах вольности перевода. Я думаю, что математическим способом не удастся вычислить должный предел.

...Я считаю, что истинно точным перевод можно сделать путем каких то неточностей, потому что потери при переводе с одного языка на другой обязательно бывают».

Сколько душевных сил и переживаний потрачено в мире на поиски идеальной любви, и сколько грехов на совести обеих сторон во все времена и у всех народов. Но жизнь повторяется во всех ее проявлениях, и мы опять летим, как бабочки на свет, опаяя крылья.

Ларошфуко в «Maximes» писал: *Une vie sans passions ressemble'a la mort.* Жизнь без страстей подобна смерти.

Но разве справедливо то, что бессмертники и незабудки рож даются только ценою страданий. Эльдар Рязанов писал:

Все я в доме живу,
В том, который снесли и забыли,
Я на службу хожу,
Ту, где должность мою упразднили.
От мороза дрожу,
Хоть метели давно отшумели,
И по снегу брожу,
Что растаял в прошедшем апреле.

Гете говорил, что за всю жизнь он был счастлив всего семь минут. На Востоке продолжительность жизни определялась только теми драгоценными минутами и днями, которые при-

носили людям незабываемую радость. Поэтому на кладбище можно было встретить могилу с эпитафией, гласившей, что ага такой то прожил три года и три месяца, хотя уходил из жизни в весьма преклонном возрасте. Так пусть будет благословенна Божья благодать, именуемая Поэзией.

Вспоминается стихотворение, посвященное Ириной Одоевцевой Николаю Гумилеву:

Вьется вихрем вдохновенье
По груди моей и по рукам,
По лицу, по волосам,
По цветущим рифмами словам.
Я исчезла, я – стихотворенье,
Посвященное вам.

В этой книге хотелось бы высказать все – от первого крика до последнего вздоха, но «еще не вечер» и эхо моей «последней осени» длится всю оставшуюся жизнь. Так что дай вам Бог, дорогой читатель, настоящей любви, той самой, когда ближнего любишь больше самого себя, ибо тот, кто любит всех, не любит никого. Все остальное лишь ступеньки на дороге к ней, единственной и неповторимой.

P.S.... Пусть читателя не удивляет тот факт, что рядом с великими творцами, он может встретить мало кому известных авторов, поскольку переводы размещены в хронологическом порядке. Что касается японских стихов, то у меня была возможность слышать их на родном языке и ознакомиться с подстрочником, но поскольку сборник рассчитан на русского читателя, я предпочел их представить в русском переводе.

В течение одного года, один за другим, ушли из жизни самые близкие мне люди: Мераб Гамкредидзе, Мишико Шенгелия, Заур Болквадзе, Джанри Кашия и Гоги Киладзе.

Прощанье с ними закончится только тогда, когда я снова встречу с ними. Царство им небесное!

Гугули Кебурия

Друзей в последний путь я провожаю
И вспоминаю их в тревожном сне.
Такой судьбы врагу не пожелаю, –
За что такое наказание мне?
Друзья мои, я здесь, на этом свете,
Жизнь продолжаю памятью о вас,
Гостили вы недолго на планете,
Но даже смерть не разлучила нас.
Прощаюсь я и не могу проститься,
И днем, и ночью вы со мной всегда.
Я знаю, наша дружба вновь продлится, –
Мы встретимся на небе навсегда!
Я остаюсь в воспоминаньях близких,
В стихах, порой незавершенных мной,
В разрезе глаз детей, в движениях быстрых,

Что так похожи на меня порой.

Народное

Мир так устроен Божьею рукой,
Что ночи тьму день вновь сменяет.
И все, что рушится враждой,
Любовь сполна нам возвращает.

* * *

Я с матерью прошусь родною Лишь только раз.
И смерть с косой придет за мною Всего лишь раз!
Какой же смысл всю жизнь бояться, И смерти ждать?..
Уж лучше с жизнью попрощаться, Чем так страдать!

Миха Хелашвили

* * *

Я выскажу тебя мой стих,
Пока еще есть силы,
Чтобы звучал он и тогда,
Когда усну в могиле...

* * *

Свет – тьмою поглощается,
Червь – розу поедает,
А сердце беззащитное –
От ран душевных тает.
Смерть за порогом прячется,
Как хищник нападает,
И все, что нарождается,
Земле вновь возвращает!

Николоз Бараташвили

МЕРАНИ

Вихрем мчится конь крылатый. Расступитесь, небеса!
Черных воронов зловещих вслед несутся голоса.
Мчись вперед неудержимо, – не угнаться за тобой –
И отдай на волю, ветра беспокойных мыслей рой.
Рассекая ветер грудью, над ущельем, над скалой
Пролети ты, сокращая нестерпимый путь земной.
Не щади меня, Мерани, в лютый холод, в летний зной, –
В скачке бешеной промчусь я над проклятою судьбой.
Проведу я жизнь в скитаньях, без отчизны и друзей,
Без тепла родных и ласки глаз возлюбленной моей.
На земле мне нет покоя, я отчаяньем гоним.
Только звездам я доверю тайну сердца, только им.
Все сомненья и печали брошу я на дно морей.
Ты по волнам сумасшедшим пронеси меня скорей.
Мчись вперед неудержимо, – не угнаться за тобой –
И отдай на волю, ветра беспокойных мыслей рой.
Не дожждаться мне покоя средь кладбищенских камней,
Не дожждаться над могилой слез возлюбленной моей.
Черный ворон прах найдет мой средь бескрайности полей,
Под землею ветер скроет белизну моих костей.
Ранним утром над могилой вспыхнут капельки росы,
Пусть они меня оплачут вместо девичьей слезы.
Крик вороний мне заменит плач родных над головой,
Но смеюсь я, презирая вызов, брошенный судьбой.
Пусть умру я одиноким, непокорным воле злой,
Что сдержать никак не в силах бег Мерани роковой.
Мчись вперед неудержимо, – не угнаться за тобой –
И отдай на волю, ветра беспокойных мыслей рой.
Нет, не зря мой дух мятежный страсти пламенем горит,
Ведь твой след, Мерани верный, путь собратьям озарит.
Пусть, порывом вдохновленный, кто-то бег наш повторит
И бесстрашно над судьбою вольной птицей воспарит.
Вихрем мчится конь крылатый. Расступитесь, небеса!
Черных воронов зловещих вслед несутся голоса.
Мчись вперед неудержимо, – не угнаться за тобой –
И отдай на волю, ветра беспокойных мыслей рой.

Важа Пшавела

* * *

Покорил я вершину,
Мир лежит подо мной,
Я беседую с Богом, Р
ядом солнце с луной.

ОРЕЛ

С перебитым крылом, на земле трепыхался,
Царь небесных просторов, утративший трон.
Выбиваясь из сил, он подняться пытался,
Но терзала его стая черных ворон,
Что, забыв про свой страх, на орла налетела,
Разрывая когтями кровавую грудь.
Но душа не сдавалась в слабеющем теле,
И издав клич победный, он смог их вспугнуть:
«В трудный час вы меня, воронье, подловили,
Я хозяин вершин и зеленых полей,
Разметал бы я всех, и валялись бы в пыли,
Если б был я, как прежде, вольней и сильней!»

Константинэ Гамсахурдиа

* * *

Бирюзой горят у тебя глаза.
Как морской прибой, ты зовешь меня.
Если вдруг меня проклянет судьба,
Под венец с другим уведет тебя,
Брошу сеять я по весне поля,
Проплыву я вмиг реки и моря,
И сожгу твой дом и любовь дотла,
И убью того, кто ласкал тебя.
Бирюзой цвели у тебя глаза.
Как морской прибой, ты звала меня.

Терентий Гранели

ВСЕВЫШНИЙ

И на земле, и в небе... Ты вездесущ!
Спаси меня, о Боже, Ты всемогущ!
Спаси меня, о Боже, Ты всемогущ!
И на земле, и в небе... Ты вездесущ!

* * *

Ночь уже настала, или я во сне?
Был я или не был, кто ответит мне?
Светятся снежинки в танце за окном.
Свет со мною рядом, темнота кругом.

* * *

Переполнилось сердце щемящей тоской, –
Отчего без улыбки глядишь на меня?
То не я постарел, а ты стала чужой.
Жаль безумно, что мне не вернуть уж тебя...

* * *

Мне кажется, что где-то там
Душа витает отчужденно.
Ищу себя я по следам
В провалах памяти бездонной.
Ищу себя я по следам
В провалах памяти бездонной.
Мне кажется, что где то там
Душа витает отчужденной.
И не пойму, живу ли я,
И тут, и там одновременно, –
Пытаюсь я найти себя,
С тоской свыкаясь постепенно.
Пытаюсь я найти себя,
С тоской свыкаясь постепенно.
И не пойму, живу ли я?
И тут, и там одновременно.

ВЕТРЫ

Посвящение Н. Бараташвили
Кличут вороны печаль.
Мчится конь крылатый вдаль.
Ветер воет, ветер свищет,
Он судьбу поэта ищет.
Ветер воет, ветер свищет,
Он судьбу поэта ищет.
Кличут вороны печаль.
Мчится конь крылатый вдаль.

Георгий Кебурия

ПОСВЯЩЕНИЕ ГРАНЕЛИ

Даже старый пессимист
Где-то, в чем-то оптимист,
А ворчанье возрастное
Это просто показное.

Г. К.

Ничто не вечно под луной.
Да и под солнцем тоже.
Не властен над своей судьбой,
Боюсь, и ты, о Боже!
Не властен над своей судьбой,
Боюсь, и ты, о Боже!
Ничто не вечно под луной,
Да и под солнцем тоже.
Хорошо там, где мы и не жили,
Хорошо там, где нас уже нет!

Галактион Табидзе

ОДИНОЧЕСТВО

Я лавровым венком был увенчан за творчество.
Белый снег ото всех скрыл мое одиночество...
В приоткрытую дверь снег влетел, как пророчество, –
А за дверью закрытой опять... одиночество...

НАД ТРАВОЮ СВИСТ КОСЫ

Купол неба полон синевою,
В поле запах скошенной травы.
Слышен свист косы по над землю,
Как строка законченной главы.
Время мчится так неумолимо,
Обрывая лепестки цветов.
Осень скосит все неотвратимо,
Закрывая книгу сладких снов

ЧЕМ ДАЛЬШЕ ТЫ

Как далека ты, и как ты желанна,
Мечту голубую в тебе я люблю.
Чувство блаженное, словно нирвана,
Словно луч света, я тщетно ловлю.
Если ж не та ты, о ком я мечтаю,
То не беда, не боюсь наважденья.
Ангелом белым тебя представляю,
Бредом больного воображенья.
Пусть я сгорю в столь безумном влечении,
Слезами пусть переполнится море,
Лишь бы поверил я в предназначение,
В праздник любви на вселенском просторе.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Нам без любви и солнце б не сияло,
И ветер не шептался бы с листвою,
И красоты бы не существовало,
Бессмертие не стало бы мечтой.
Но я любви последней песнь слагаю,
Мне осени цветы еще милей,
Их баловням весны предпочитаю,
Их аромат я чувствую острее.
Они к безумствам нас не призывают,
Ни к юношеской пылкости страстей.
Весенней нежности они, увы, не знают,
Их не пугают холода ночей.
Под ветром красота их увядает,
Печально, без любви она умрет,
Но без любви бессмертья не бывает,
Лишь в ней бессмертье силу обретет!

ГЛАЗА МЕРИ

Вот уж несколько дней и бессонных ночей,
Мое сердце в темнице, и нет к ней ключей.
Сквозь тяжелую дверь, словно рока печать,
Не пробьется ни свет, ни весны благодать.
С каждым днем и минутой, мне все тяжелей,
Вот уж несколько дней и бессонных ночей,
Ни стихи не спасают, ни ласки друзей,
Только хочется мне умереть поскорей.
Вот уж несколько дней и бессонных ночей,
Я на мир и природу смотрю все мрачней.
Мери, ты, словно солнце, сжигаешь людей
Ослепительным блеском прекрасных очей.

МЕРИ

В ту осеннюю ночь, под венец шла ты, Мери,
Но печаль затаилась, в прекрасных глазах,
В их бездонности, цвета небесной купели,
Тень судьбы отражалась в тревожных тонах.
Пред иконами свечи, мерцающая, горели,
И мелькала на ликах святых светотень
И в их свете таинственном лица бледнели,
Но, меж них, самую бледной была ты в этот день.
Своды церкви, казалось, от свеч пламенели,
А под куполом плыл аромат алых роз,
Почему ж не «Венчальную» женщины пели,
А молились, в тоске не стыдясь своих слез.
Мери, слышал я клятву твою, и не верил.
Мери, как мог поверить я в искренность слов?
Да и в праздник венчания я не поверил,
Обрекавший на каторгу брачных оков.
Кто-то горько рыдал за церковной стеною,
Ветер с рук драгоценные перстни срывал.
День тот был как чужой, день тот был сиротою –
Этот день бы счастливым никто не назвал...
И, не выдержав мук, поспешил я на волю.
Шел я словно в бреду, сам не зная куда,
Ветер, как сумасшедший, метался по полю,
Дождь, с небес низвергаясь, лил как из ведра.
Я от горестных дум белой буркой укрылся,
Но с печалью не справиться наедине.
Я невольно пред домом твоим очутился
И, опору ища, прислонился к стене.
Так я долго стоял в бессловесном отчаянии,
Тополя, утешая, шумели листвою,
Ветви крылья качались в безумном желании,
Словно птицы, пытаясь взлететь над землей.
Тополя что то долго еще обсуждали.
Мери, может, они понимали тебя?
Может, знали они то, чего мы не знали,
Что судьба в этот раз обошлась без меня...
Мери, дай мне ответ, куда делось виденье,
Что сияло, как нимб, над твоей головой?
Почему так жестоко со мной провиденье?
Взмах крыла... и пропала мечта за горой.
Что искал я на небе, в тоске и печали,
Как ребенок, пытаясь, луч солнца поймать...
Для кого же «Могильщика» строки звучали?
Или кто «Я и ночь» мою будет читать?
Дождь оплакал меня, и я с горем сроднился, –
Не по силам для смертного тяжкая роль.

Я заплакал, как Лир, что с надеждой простился,
Как развенчанный, всеми забытый король!

ВЕТЕР ВИХРЕМ НЕСЕТСЯ

Ветер мчится в ночи и кружит надо мной,
Листья вслед за собой увлекает...
Он шеренгу деревьев сгибает дугой,
В вихрях ветра мой крик пропадает...
Где же ты, где же ты, где же ты?
Дождь и снег, снег и дождь, в круговерти ночной!
Мне тебя не найти никогда.
Образ твой, как виденье, всегда предо мной.
Я ищу тебя всюду, всегда!
Где же ты, где же ты, где же ты?
Ветер мысли туманные в дождь уносил,
Ветер вихрем кружился, кружился и выл...

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Почти закончен путь, и тянет оглянуться,
Взглянуть хоть раз на склоны гор вдали,
Но вороны мне вслед, злорадствуя, смеются:
«Назад ты понапрасну не смотри!».
Туман скрывает путь. Как тут не заблудиться?
Как верный путь до дому мне найти?
А вороны опять, злорадствуя, смеются:
«И в день грядущий тоже не гляди!».
И в неизвестности ищу я путь дорогу,
Смогу ль ее я до конца пройти?
Вернусь ли я когда-нибудь к порогу?
Мне ворон кличет беды на пути...
Пусть горе с радостью соседствуют друг с другом,
Мгновенье жизни, как во сне, пройдет,
А вечность всех простит и вновь пойдет по кругу –
Все в бесконечности пространства пропадет!

КОТОРЫЙ ЧАС?

Уже, пожалуй, слишком поздно,
Огонь тревоги не угас
И нет в душе моей покоя:
Который час? Который час?
Я в ожидании рассвета, –
Ночь до утра гостит у нас:
Часа уж три, наверно скоро:
Который час? Который час?
Три – только трет, – тьма безпросветна,
Всю ночь я не смыкаю глаз.
Тринадцать раз вокзал гудит мне:
Который час? Который час?
Толпятся мысли в коридоре,
Возница ночи их не спас.
Звонят вопросы в телефоне:
Который час? Который час?
О Боже! Дождь, как враг мой злейший,
Затопит скоро весь Парнас.
Ночь превратилась в бесконечность:
Который час? Который час?
Я, как Бодлер – поэт печали.
Его спросили, как-то раз:
«Который час?» – И он ответил:
«Час опьянения сейчас!».

Тициан Табидзе

ИЗ КНИГИ «ГОРОДА ХАЛДЕИ» L'ART POETIQUE

Ваза Прюдома любовью разбита,
Я ее розой Хафиза лечу.
Тайна Бодлера цветами укрыта,
Я в саду Бесики их посажу.
Все, что в дороге при встрече случайной
Взгляд мой и душу к себе привлечет,
В строчках тенистых, на ветке печальной,
В гнездах стихов по пути отдохнет.
В шуме признаний не слышно поэта,
В буйстве цветов не найти первоцвет,
Молча, прошу я у музыки совета,
Прячут ресницы желанный ответ.
Взгляд твой загадочный ранит мне душу –
Я посвятил тебе страстный сонет,
Но, когда голос чарующий слышу,
Тут же я вдруг забываю куплет.
Знаю, что счастье придет лишь с тобою.
Светом невинным белеют снега.
Я красоту твою лаской укрою,
Благословлю тебя кубком вина.
Сказки тебе расскажу про Халдею,
Песни спою про ее города.
Страсти теплом на груди отопрею
И никому не отдам никогда.
Слов я алмазы тебе собираю,
Музой из них бриллианты точу,
Я свою роль до конца доиграю,
Песнь лебединую в небе спою.
Если ж вороны мой голос заглушат,
Я тебе шепотом их пропою.
В Грузии песни за душу их любят,
Розы бросают к ногам соловью.

Ладо Асатиани

НА КАРТЛИЙСКОЙ ДОРОГЕ

Взгляни, мой друг, на это поле,
Здесь маки буйно расцвели.
За старой крепостью на воле
Они приют свой обрели.
Здесь майский день, здесь рай небесный,
Здесь ароматов благодать.
Цветов прекрасных дар чудесный,
Нас учит жить и умирать.
Они всех радостно встречают
И в трудный не бросают час,
В последний путь нас провожают
И в грусти утешают нас.
Взгляни, мой друг, на эти маки,
Все поле будто бы горит,
Как будто вывешены флаги,
Как будто музыка гремит.
Цветы – хорошая примета,
Улыбка женщины их взгляд.
Не жду я у судьбы ответа,
Целуя все цветы подряд.
Взгляни, мой друг, на это поле,
Здесь маки буйно расцвели.
За старой крепостью на воле
Они приют свой обрели.

В ГРУЗИИ

Рождались в Грузии с мечтой
Вернуть бы детство изначально
И с ностальгической тоской
Любили красоту печально.
Самоубийство чуждо нам!
За честь мы жизни отдавали.
И по трагическим следам
Из пепла жизнь мы возрождали.
И умирали мы с мечтой,
Чтоб хоть на миг вернулось детство.
Ее безгрешной красотой
Мы измеряли совершенство.
Нам предки завещали так:
Чтоб знали мы и дети наши,
Что честь достойной жизни флаг!
Чтоб жили, «смертью смерть поправши».
За праздник жизни тост я пью,
За непрерывность обновления,
И смерть презрев, я песнь пою
О счастье нашего рожденья.

ЗАЗДРАВНАЯ

Нет слов, жена моя красива, но лучше хочется порой, –
Походка легкая газели и взгляд, искрящийся весной.
Страна моя, ты так красива, что не сравнить тебя с другой,
Ведь даже красота Тамары бледнеет пред твоей красотой!
«Сердце мужчины опасней пучины,
В море любви так легко утонуть.
Верные жены – оплот для мужчины,
Но за чужой мы торопимся в путь».
Трубите так, чтобы клинки алели!
Мы молодеем в яростном бою.
Я пью за то, чтоб нивы зеленели,
За Грузию, за Родину мою!
Трубите так, чтоб кровь кипела в жилах,
Светицховели песнь я пропою,
Чтоб голос гор услышали в долинах, –
Как кипарисы, мы стоим в строю.
Трубите так, чтоб слышали нас предки,
В святых могилах, средь церковных плит,
Чтоб знали все, что стрелы наши метки,
А верность долгу крепче, чем гранит.
Когда б в меня по девять раз стреляли,
То девять раз я б усмехнулся вслед.
Мы никогда свой пост не покидали,
Ведь мы с войной знакомы с малых лет.
Трубите в рог, скорее в рог трубите!
Чтоб старость не подкралась к нам, как волк.
Наряд грузинский гостю подарите,
Так нам велит гостеприимства долг.
И песня наша, как Светицховели,
Как гордость наша, будет жить в веках,
Сердца любовью к Родине горели,
И отстояли мы ее в боях!
«Если у рыцаря сердце стальное,
Латы из дерева тоже сойдут.
Глаз ястребиный, колени крутые
Вражеской силе уйти не дадут».
Нет слов, жена моя красива, но вижу я ее иной, –
Походка легкая газели и взгляд, искрящийся весной.
Страна моя, ты так красива, что не сравнить тебя с другой,
Ведь даже красота Тамары бледнеет пред твоей красотой!

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ ВАЖА ПШАВЕЛИА

Кто выбрал мне стезю поэта,
Судьбою с музой породнил,
Чтоб снилась рифма до рассвета,
Чтоб каждым, словом дорожил?
Кто угадал предназначенье,
Что я не смог бы стать другим?!
Вся жизнь моя – стихотворенье.
Я, к счастью, музою любим!
Чтобы стихами, как цветами,
Возлюбленную одарить
И со стихами, как с друзьями,
Судьбу по-братски разделить.
В роду поэтов не бывало, –
Поэтом стал лишь я один.
Мне муза строчки диктовала –
Она ведь балует грузин.
Я шел по жизни, соревнуясь
То с дедом, то с самим собой.
Порой, улыбкой маскируюсь,
Скрывал я страх перед судьбой.
Когда однажды был я ранен,
Он жалостью не оскорбил.
Ведь я ему почти был равен,
Во мне он рыцаря растил.
Он ускакал за кабанами,
А я в лесу лежал в крови.
Он знал, я справлюсь со слезами, –
И в этом весь секрет любви!
Открыл мне дед врата природы,
В ее секреты посвятил,
И все оставшиеся годы
Я ей поэзией служил.
Звучала музыка свирели
В еще несрезанных стеблях.
Мелодии в душе звенели
И продолжали жить в стихах.
И потому, когда, порою,
Мне к сердцу холод подступал,
В стихах я воевал с судьбою
И подвиг ратный воспевал.
И сила эта, в каждой строчке,
Любовью к Родине горит.
Не все кончается на точке,
Когда в душе стих говорит.
Когда снадобья не спасали,
Стих выручал меня не раз,

И пред воротами печали
Я смерти дал такой наказ:
Я объявляю благодарность
Тебе, о смерть, за жизнь мою.
В соседстве с ядом слаще сладость, —
За радость жизни тост я пью!
Коль так судьба распорядилась,
Что быть поэтом суждено,
То даже смерть остановилась,
Пред тем, что музой рождено.
Поэт в душе канатоходец,
Над бездной трос стальной висит.
В стихах же он первопроходец,
В бессмертье путь его лежит.
Так стала смерть стихотвореньем,
Такая выпала ей честь.
Из поколения в поколение
Передается эта весть.

Мухран Мачавариани

* * *

Третий день, как дождь льет то и дело,
Третий день, у грусти я в плену.
Жаль, что все на свете надоело,
Боже мой, когда я все верну?

ЭПИТАФИЯ

Нет! Не умрут писатели,
Пока живут читатели!
Пусть тело где-то под землей,
Зато душа горит звездой.

* * *

Сначала зажгут поминальные свечи,
Потом гроб с покойником взвалят на плечи,
Потом, может быть, скажут: “За упокой”
И все позабудут, вернувшись домой.

Шота Нишнианидзе

ОДИНОЧЕСТВО

В крайнем доме улицы безвестной
Приютилась пара стариков.
В тишине обители их тесной
Ворковала пара голубков.
Превратились в облака их мысли,
И летят они во все края.
Книги, сны иль эпизоды жизни
Проплывают на закате дня.
За окном стоят шеренгой склянки,
Рядом спицы, теплые носки,
Воробьи слетаются на банки,
Поклевать снадобья от тоски.
Но порой воспоминаний дождик
Детским смехом оживится вновь,
Заиграет в брызгах старый зонтик
И напомнит первую любовь.
Нравится мне их финал чудесный,
Но пугает участь стариков,
В страшный день, для них небезызвестный,
Смолкнет вдруг один из голосов.
В крайнем доме улицы безвестной
Ворковала пара голубков.

Ное Чхиквадзе

Ное Чхиквадзе в Тбилиси не находится, он в деревне. Почта газеты «Современная мысль».

Мне кажется, что все меня давным-давно забыли,
Я вам не все еще сказал, а вы меня похоронили.
Мне кажется, что и стихов моих уж не читают,
Так дети стариков своих все реже навещают.
Кричу я хрипло в тишину, но ничего не слышу.
Как холодно! И ничего в кромешной тьме не вижу.
Кровоточащей раной ночь уносит мои силы,
Я стал пожухлою травой, которую скосили.
Так для кого же я пою – кругом стена глухая?..
Душа как будто бы в глуши – сама себе чужая.
Где утешение друзей в тяжелый час беды?
Я прошагал почти всю жизнь, но где мои следы?
Я улетел бы далеко, как птицы улетают,
Но разве есть на свете край, где люди не страдают?
Повсюду кровь, повсюду смерть, ни слова сострадания,
Так уйду я в мир иной, увы, без покаянья.
Я жду тебя, мой тайный друг, услышь мои стенанья.
Ни радости нет, ни любви, – лишь разочарованья.
О том, как молодость прошла, как множились страдания.
На праздник жизни я пришел, а встретил поминанье.
Зачем судьба, таких как я, порою проклиная?
Лишь тот, кто сквозь огонь прошел, собрата понимает...
Я пел для тех, кто, как и я, жил в сумерках изгнанья,
Но лиру выронил из рук и предпочел молчанье.
Свести бы счеты мне с судьбой, но где она скитается?
Нет никого в сей час со мной! Никто не откликается.
Как холодно! В кромешной тьме я ничего не вижу,
Кричу я хрипло в тишину, но ничего не слышу.

Бесик Харанули

* * *

Как поймать миг счастья,
Как его увековечить
И в доме поселить моем,
Чтоб век старели вместе.
Изумился Иона, увидев жену обнаженной,
И с тех пор распростился со всем навсегда!
Поэт с распутницей сидим в метро,
Но едем так, как будто незнакомы,
А между тем, росли в одном селе..
Все про меня известно смерти, –
В пути она сейчас,
Но не за мной спешит – за вами...
Тот, кто при виде беды впадает в панику и голову теряет,
Тому Господь не причинит особых бед...
Не забуду я-то место, где встретил тебя,
Как волк ту местность, где в него стреляли...
Мгновенно разошлась по свету весть о том, что живу я хорошо,
А между тем, я лишь на миг присел на камень,
Чтоб дух перевести...
Как мало нам того, чего на свете много,
Что нас переживет и в пепел превратит:
Рассвета, дня, ночей, любви, в стихах воспетой, –
Как мало нам того, чего на свете много...

В ГРУЗИИ

Сегодня, в этот час, в сей миг, столь быстротечный,
На улице, в метро, в толкучке бесконечной,
Приметил я лицо и взгляд, небесно ясный,
Похожий на тебя и, как и ты, прекрасный.
Сегодня, в этот час, в сей миг, столь быстротечный,
На улице, в метро, в толкучке бесконечной,
Что мог увидеть я, здесь, где народ столичный,
Богатый и бедняк, к беде уже привычный.
Здесь, в Грузии, в сей миг, столь быстротечный,
На улице, в метро, в толкучке бесконечной,
Приметил я лицо и взгляд, небесно ясный,
Похожий на тебя и, как и ты, прекрасный.
Ужели ты, Иисус, среди нас, в сей час, ненастный?

Гизо Нишнианидзе

* * *

Цветок – взлетающая бабочка, Бабочка – порхающий цветок.

* * *

Плюс – перечеркнутый минус.

* * *

Не дал мне Бог умения стареть,
Остался я седеющим мальчишкой!

* * *

Словно мать, потерявшая сына,
Я брожу по Тбилиси порой.
Объясните мне, в чем же причина?
Стал тбилисец в Тбилиси чужой!

Вариации на тему Кишварда Исакадзе

* * *

По проселочной дороге шли крестьяночки домой.
Тополя им в такт качались, словно потеряв покой.
Или, может, это ветер с тополями так играл,
Что как, будто всех девчонок, он на танец приглашал.

* * *

По проселочной дороге
Шли крестьяночки домой.
Взгляд манили силуэты
Тополиной красотой.
И с тех пор, когда я вижу
В ветре танец тополей,
Я с улыбкой вспоминаю,
Тех крестьяночек с полей.

* * *

Какая прелесть: по дороге
Девчата с песнею идут.
Под ветром, в танце изгибаясь,
Они, как тополя плывут.
Иль, может, тополя от ветра,
Как бы танцуют и поют.
И стан девичий изгибая,
Они свой хоровод ведут.

Анна Каландадзе

* * *

Была подруга у меня,
С глазами, полными огня,
Волной каштановых волос...
Ей голубь крылья в дар принес,
Витает в небесах она: –
Осталась я совсем одна.
Без крыльев в небо нет пути,
Как мне теперь ее найти?
Была подруга у меня,
С глазами, полными огня,
Волной каштановых волос...

ТУМАН В ГОРАХ

С вершин Аджарии туман плывет и стелется.
Он горы в призраки седые превращает.
Укрыть их вечностью, наверное, надеется
И взор неведомою тайной, привлекает.
Но этой тайной с нами вечность не поделится,
Душа в смятении виденье провожает.
Взойдет светило над горой, туман рассеется,
И жизнь реальная в свои права вступает...

ВЛЮБЛЕННАЯ СИРЕНЬ

Возле мокрой лестницы,
Плакала сирень:
Где вы, ветры вестники,
Прячетесь весь день?
Помнится, влюбленные,
Шептались с ней весной.
А теперь, холодные,
Дуют стороной.
С горя ветви голые
Никнут головой.
До чего ж суровые
Холода зимой.
Где вы, ветры вестники,
Прячетесь весь день.
Возле мокрой лестницы
Плакала сирень...

МИГ

Закатилось солнце полосой света,
Нежною невестой обнялось с волной,
Чуть поволновалось, вдруг затрепетало,
Замерло в объятьях и... покрылось тьмой.
Скажи вьюнок мне, полевой,
Не проходил ли кто рекой?
В мечтах, я в облаках витал,
И никого не замечал.
Ну, чтож вьюнок, не отвечай,
Я так спросила, невзначай...

Иза Орджоникидзе

* * *

Шепчут, шепчут твои пальцы,
Что то страстно говоря,
Неустанно, непрестанно
Струны сердца теребя.
Зазвучал рояль концертный.
Музыкой душа полна.
Чудодейственные пальцы
Слушать я приглашена.

* * *

С головы и до пят я осыпана нежными розами.
Мое грешное тело все зовет тебя рядом прилечь.
И сама я, как роза, оживаю забытыми грезами,
И нектаром пчелу, хоть на миг, я надеюсь привлечь.
Ты срываешь меня и пьянеешь вином наслажденья,
Нежно гладишь бутоны, и обоим нам хочется петь.
Наши губы слились, наши руки не знают сомненья.
Сердце рвется от счастья, и мне хочется вдруг... умереть.

Импровизации на темы Изы Орджоникидзе

С каждым шагом в день грядущий
Прошлого все больше,
В зеркале нам день минувший
Кажется чуть дольше.

Г. К.

Под старость грусть невыносима,
Тут не помогут тучи слов.
Бег времени неотвратимо
Несет нас в мир последних снов.
Когда то слов так много было,
Мы щедро раздавали их,
Но память многое забыла,
И нет уж надобности в них.
Как много их ушло впустую,
Не высказанных до конца,
Проговоренных вхолостую
И улетевших навсегда.
И, разбирая кучи хлама,
Устав в словах искать покой,
Я, как бальзаковская дама,
Пытаюсь стать вновь молодой.
Но вот слова, уйдя в пространство,
Вернулись музыкой, как стих,
И времени непостоянство
Окаменело фреской в них.
И от мелодии прощальной
Остались только лишь слова.
На эпитафии печальной
Вдруг обрывается канва...

Резо Амашукели

* * *

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью.
Е. Баратынский
Пустяка порою нам хватает,
Чтоб с улыбкой под руку пройтись.
Я в Москве, гуляя по проспекту,
Адрес у прохожего спросил.
Он в киоске покупал газету,
На работу, видимо, спешил.
Он меня окинул беглым взглядом
(Догадался, что и я грузин).
Показал рукой, мол, это рядом,
По-грузински все мне объяснил.
Пустяка порою нам хватает,
Чтоб с улыбкой под руку пройтись.

Импровизация на тему Резо Амашукели

Подо мной Тбилиси древний,
Город – вечно молодой.
Могиканин я последний
Перед долгою зимой.
Как мы быстро постарели,
Плоть прощается с душой.
Песни грустные Ишхнели
Провожают в мир иной.
Мы уходим, оставляя
За собой горячий след,
Он живет, не остывая,
В душах близких много лет.
Как же хорошо нам было
В этом городе бродить,
Наше рыцарство любило
Розы женщинам дарить.
Вьются стебли дикой розы
Ввысь по лестнице крутой,
Времени метаморфозы
В ней скрипят, как домовой.
И, спускаясь по ступенькам,
Рад я видеть розы вновь.
Я сорву одну лишь мельком,
Как последнюю любовь.
Подарю ее поэту
(Встретив молодость свою),
Поколений эстафету,
Розу к сердцу приколю.
На горе воспоминаний
Я заката подожду
И в почтительном молчанье
Звезды свечками зажгу.
В небе гаснущей кометой
Прочерчу я след косою,
И приветом иль приметой
Упаду я за горой.
Мы мерцаем в звездном небе
Ностальгической тоской.
В опрокинутое небо
Спать ложится город мой.

ПОСВЯЩЕНИЕ РЕЗО АМАШУКЕЛИ

Скоро кончится сон наяву,
Не дождусь я, как видно, финала.
Я Всевышнего благодарю
За стихи, что мне муза шептала.

Г. К.

Много раз покорял я вершины,
И со скал я срывался не раз.
Обо многом расскажут морщины,
Что плетут паутины у глаз.
Что случилось, откуда такое?
Как лавина, жизнь мчит под уклон.
Все навязчивей мысль о покое –
Может, это последний мой склон?
В каждом сне поднимаюсь я в горы,
Но все выше становится пик.
Снег следов замечает узоры,
С воем ветра сливается крик.
Где цветущее древо желаний?
Я мечтал прикоснуться к нему,
Но настала пора увяданий,
И усохло оно на корню.
Что ж, на все твоя воля, Всевышний.
Я за все благодарен тебе,
Но сегодня я вроде бы лишний...
Нет, такая судьба не по мне.
Так и тянет назад обернуться,
Оглянуться на пройденный путь.
В этот мир невозможно вернуться.
Может, в этом вся прелесть и... жуть.

Джанико Георгадзе

* * *

Я тщетно взывал к небесам о прощении.
Стих родился в душе сиротой.
Я осень, рыдая, молил о спасении,
А она осыпала листвой.

Импровизация на тему Джанико Георгадзе

ОДИНОЧЕСТВО

Твои шаги слышались у двери.
Был это знак судьбы, иль показалось мне?
От ветра двери жалобно скрипели, –
Душа им вторила, кружась в кошмарном сне.
Ты в жизнь мою ворвалась ураганом,
Взлетели мы в заоблачную высь,
Но ветер стих вдруг – нет тебя уж рядом, –
Сложились крылья, и лечу я вниз.
Играет Бог капризами погоды,
Но женщину ему не изменить!
Она то ждет, как Пенелопа, годы,
То, как Кармен, вдруг может изменить.
Нет нас с тобой давно уже на свете.
Не суждено нам снова полюбить.
Мир помнит о Ромео и Джульетте,
У нас так не было, но так могло бы быть...

ПАМЯТИ ДЖАНИКО ГЕОРГАДЗЕ

Тост гремел, как эхо с гор,
Наполнялся рог олений,
Тамады орлиный взор
Усмирял волну волнений.
Жил он песней – сам не пел,
И ушел средь песнопений.
Рыцарь слова, онемел,
Смолк, творец стихотворений.
Над могилой светотень,
А внизу сонм сновидений,
Где-то там и наш олень,
В мире горьких сожалений.
Мы придем сюда не раз,
И в жару, и в холод лютый,
Чтоб вернуть его, хоть раз
Песни горестной минутой.

Лия Стурау

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Импровизация на тему, с прозаическими вкраплениями

Забыли голуби про небо –

У них война идет сейчас,

Собрать им надо крошки хлеба,

Сейчас им явно не до нас.

Они дерутся, как собаки,

Забыв, что мир важней, чем кость,

Что красота не терпит драки,

Что не хозяин ты, а гость...

В этом мире...

А жаль...

Они ведь так красивы,

Мечты и облака белей,

Когда они миролюбивы.

Вернитесь в небо поскорей!

Но, увы...

Глядя на голубей, так похожих сейчас на гарпий,

Даже не верится в то, что они умеют летать.

Впрочем...

Ведь мы недалеко ушли

От хищных птиц властолюбивых.

Мы всех животных превзошли

В фантазиях сластолюбивых.

Но, тем не менее, когда

Мы взглядом обнимаем небо,

Мы вспоминаем, что звезда

Ждет душу нашу, а не тело.

Вот шляпка бабушки моей,

На пару с модным платьем длинным,

Смирилась с участью своей,

Хранима в сундуке старинном...

Цветные перья в шляпках дам

Напоминают нам порою

О всех молитвах по ночам,

О небе, властном над душою.

А ведь... Их можно было обменять

Хоть на резиновые боты.

Или в театр их отдать.

Но нет! Не продаются годы!

Мечты спят нынче в сундуках

И в мыслях, грустно молчаливых.

Мечту не удержать в руках,

В руках, невольно торопливых.

Может быть, поэтому,
Отдав привычную дань желудку и постели,
Мы каждый раз, в наших молитвах,
Возвращаемся к небу.
Но, увы...
Земля по жизни, как трамплин
Для тех, кто с детства рвется в небо.
Но век – всеильный властелин –
Вдруг наложил на праздник вето.
И приговор, увы, жесток:
Сейчас не время для сонетов!
Наш век не пустит на порог
Ни Дон Кихотов, ни поэтов!
Приговор окончательный
И обжалованию не подлежит!

Гурам Рчеулишвили

ЛЮБОВЬ В МАРТЕ МЕСЯЦЕ

- Слушай, парень! Ну, что это с тобой? Отстань ты от этой девушки.
- А я и не возникаю.
- Ты что, влюбился, что ли?
- Нет, с чего это ты взял?
- Отчего тогда все ходишь за ней по пятам, как тень?
- Ты это про меня?
- Конечно, а про кого же еще? Ты по пьянке только о любви и говоришь.
- По пьянке всякое бывает!
- Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Народная мудрость! Слышал ведь.
- Ну, может быть, ты и прав, кто его знает! Нодар, как бы желая переменить тему, взял

Темо под руку и подвел его к книжному киоску.

- Ты лучше посмотри, какой издали сборник Иэтима Гурджи!
- А кто это такой?
- Поэт, ашуг, вроде менестреля. Писал, стихи и сам же к ним сочинял музыку. Так и пел,

как чувствовал.

- Не слышал...

Темо огляделся по сторонам и вдруг когот о заметил. В глазах у него заиграли чертики.

- Ну, сейчас мне ясно, с чего это ты вдруг заговорил о поэтах!

Нодар покраснел до ушей, купил у киоскера книжку и пошел дальше один, погруженный в свои мысли. Темур догнал его.

– Потрясная девочка, какой то неземной красоты. Таких только в сказках любят, и то безответной любовью. Но все равно стоит пострадать, правда?

- Не знаю.

Нодар ушел в свои мысли. Темур отстал от него и не заметил этого.

«Интересно, знает она, что я ее люблю, или нет? Впрочем, откуда ей знать, хотя сплетников, всегда хватает».

– Привет, Нодар! – поздоровался с ним кто то. Нодар, обернувшись, машинально ответил на приветствие. Мысли разбежались было, но вскоре снова заполнили его. «Хоть бы она пришла сегодня на игру. Зброшу, ну, хоть десять двенадцать мячей, потом Эдик познакомит меня с ней, а после игры я провожу ее домой. Интересно, что ей по нраву? О чем мне с ней говорить? Баскетбол? Нет, не стоит, там и так все ясно. Может, о литературе, истории? Или лучше я ей расскажу новеллу Хемингуэя».

Он безотчетно вошел в сквер и присел на скамейку. Фантазия разыгралась. Он мысленно уже беседовал с ней. «Может быть, она Мопассана любит?.. Тогда надо будет с ней обсудить один из его рассказов. Хотя бы «В порту» или «Ожерелье». Он нервно мотнул головой. «Что за глупости лезут мне в голову? Может быть, она уже все прочла, а я ей буду открывать Америку! Впрочем, говорить о том, что любишь, можно бесконечно. Или, может, повеселить ее анекдотами из походов Моллы Насреддина? Нет, это еще глупее! Лучше уж заведу разговор о сказках и заодно расскажу арабскую, об Аллахе и дервише. В общем, так! Когда меня с ней познакомят, главное не покраснеть, хотя я все равно покраснею, но после игры мы все красные, так что, может быть, она и не заметит. Значит, сначала я подам ей руку, потом представлюсь, скажу свое имя... Нет, не годится, назову фамилию. Нет, опять что то не то! Ничего не скажу. Она и так знает. Потом... ну, разве не смешно будет, если я с ходу начну ей рас-

сказывать арабские сказки? Нет, сначала спрошу, проходят ли они историю Малой Азии. Вот так уже лучше. Как будто мне какая то книжка нужна по истории. Потом скажу, что и меня очень увлекает их история... арабов то есть... особенно их сказки, где вся философия мира преподносится в такой необыкновенно красивой и простой художественной форме. А что она мне ответит?» Нодар стал снова перебирать в уме намерения. Прежние ему уже не нравились, и он принялся придумывать новые планы. Потом встал, вышел из сквера на улицу, но мысли о ней, как наваждение, преследовали его.

– Посторонись! Посторонись! – крикнул дворник, поливавший из шланга улицу. – Ослеп, что ли? Не видишь, обрызгал всего?

Нодар пересек улицу.

– Ты что, оглох? Не слышишь, как я тебе сигналю? – послышался ему на этот раз окрик водителя из машины.

Нодар отвернулся и увидел, что в его сторону мчится трамвай. Он почувствовал легкость в теле и подбежал к вагонам. Привычным движением вспрыгнул на ступеньку, но руке не за что, оказалось, уцепиться – поручня не было. Он потерял равновесие, ноги перестали слушаться его, и он опрокинулся навзничь. Голова вдруг закружилась. Колесо трамвая с хрустом перерезало его левую ногу и покатило дальше. Послышался чей-то отчаянный крик. Седая женщина, идущая по мостовой, выронила сумку. Пассажиры вагона, сидевшие на переднем сиденье, инстинктивно подняли ноги, как бы пытаясь облегчить вес трамвая. Их охватила нервная дрожь. Какая то ярко накрашенная девушка в мини юбке вскрикнула и, прикрыв ладонями широко открытые глаза, уставилась в происходящее. Пробежав десяток метров, трамвай, проскрипев тормозами, наконец то остановился. Побледневший ватман бросился к телефонной будке. Первым ощущением Нодара был стыд перед столпившимися вокруг него людьми. Он закрыл обеими руками лицо, потом почувствовал боль в ноге и потерял сознание. Спустя некоторое время открыл глаза и бессмысленным взглядом уставился в одну точку. «Как стыдно! – промелькнуло у него в голове. – А вдруг сейчас она видит все это?» Новый приступ боли прервал его мысли. Он глухо застонал. «Ну, их всех к черту!» подумал он и попытался встать, но замер на месте. Только сейчас, как в тумане, дошло до его сознания, что нога была перерезана. Это открытие, как ни странно, как то успокоило его. Теперь ему уже не было стыдно. Боль ненадолго отпустила его. Слезы сами собой полились у него из глаз. Он видел, что какие то люди в белых халатах подняли его на носилках и понесли. Толпа перед ними расступилась. Потом его уложили в санитарную машину, а рядом с ногой пристроили что то вроде доски.

«Что это?» Происходящее с трудом доходило до его сознания. Он быстро устал и опять впал в забытие. Время от времени сознание возвращалось, и тогда он слышал чей то шепот, плач. Потом наступила тишина. Он видел себя на баскетбольной площадке. Девушки тайком любовались его спортивной фигурой. Ему импонировали их взгляды, но вот если бы и она смотрела на него такими, же глазами... Он покраснел, увидев ее во втором ряду. Она сидела с его товарищами. Игра началась. Вот он сделал рывок. Гиви передал ему мяч – бросок – мимо. Десять мячей он промазал, вспотел, лицо покрылось испариной. Десять мячей! И все мимо корзины. Теперь игра проиграна.

«Что со мной происходит?» – застонал Нодар.

Мать, присевшая на краю постели, нежно погладила его ладонь.

«Нодар Джандиери», – еле слышно пробормотал он, и лицо его озарила улыбка.

«Лейла», – послышался ему чарующий голос девушки.

Он осмелел.

Нодар: – Вы, кажется, любите баскетбол?

Лейла: – Да, люблю.

Нодар: – Но сами еще никогда не играли, не правда ли?

Лейла: – Нет, а смотрю всегда с удовольствием и болею за вас.

Нодар затаил дыхание, ему хотелось бесконечно слушать этот голос. Покраснев, он вдруг решился и начал:

– Я вам расскажу одну арабскую сказку.

– Как интересно! Я с удовольствием послушаю, я так люблю сказки.

Нодара такая поддержка приободрила. Он попытался заглянуть в глаза девушки, но цвета их различить не смог... и начал рассказывать:

«Был у арабов один мудрый и прозорливый царь». С облегчением улыбнулся. Голос свободно подчинился ему. «Однажды царь призвал своего советника и спросил его: «Скажи мне, мудрец, где таится Истина, и если она вообще существует, то, как ее найти?» –

«Великий царь! – ответил мудрец. – Никто на свете не знает того, где находится Истина, ибо она похожа на наш затылок, который все знают, где он находится, но никто не видит его». Нодар закончил свой рассказ. Он смотрел в этот миг на верхушку дерева, а когда опустил взгляд, девушки уже не было видно.

– Лейла! Лейла! – позвал он. Потом увидел, как она быстрыми, торопливыми шагами выходит за ограду сквера. Попытался догнать ее, но...

– Будьте добры, принесите еще холодного компресса, – еле сдерживая слезы, попросила мать медсестру. Сестра быстро сменила повязку на лбу и тихо спросила:

Что, опять бредит?

– Да! – ответила мать, уже не сдерживая слез.

МЕДЛЕННОЕ ТАНГО

Диалог танцующей пары

На сухумском пляже одноглазый мужчина брэнчал на гитаре. Под навесом резались в очко картежники. У самой воды жарились на солнцепеке отдыхающие. А гитара продолжала стонать и плакать.

Двенадцатилетний Игорек бросился в воду и поплыл хорошо отработанным кролем. Ноги его безостановочно работали, ритмично вспенивая за собой воду. При взмахе левой рукой он поднимал из воды голову и, глубоко вдохнув воздух, уже не выныривая, взмахивал правой. Руки работали синхронно, в такт с ногами.

– Из него наверняка получится рекордсмен, – сказал отец Игоря, положив руку на плечо жены и как бы привлекая этим жестом ее внимание.

– Да, он, наверно, прославится, – подтвердила жена. – Ваня, убери руку. У меня плечи обгорели.

– Надо было одеколоном смазать, говорил я тебе, – убрал Иван руку.

– Хорошо, сегодня так и сделаю, – с улыбкой ответила жена, и довольные супруги устремили взгляды в море, любуясь своим чадом.

Мальчик миновал предупредительную зону буйков и продолжал плыть, не снижая скорости.

Не чувствуя усталости, проплыл еще сорок метров кролем, а потом перешел на брасс. Подбирая под себя ноги, по-лягушачьи резкими толчками выбрасывал тело вперед, вскидывал голову и, вдохнув воздух и нырнув, продолжал стремительное движение.

Супруги сидели на песке и с гордостью комментировали заплыв сына.

– Хорошо идет, – сказал отец. – Из него обязательно получится чемпион.

– Да, красиво плывет. Смотри, какие уверенные, спортивные движения, – посветлело от удовольствия лицо матери.

– Да, у него блестящее будущее, – кивнул головой отец. – Лида, а помнишь Валеру? Как он здорово плавал.

– Да, как не помнить, известный был спортсмен, – Лида тревожно коснулась рукой своего плеча.

– Ты помнишь, он мог шесть часов подряд свободно держаться на воде, – Ваня обнял жену за талию и прижал ее к себе. Так они сидели молча. Женщина первой нарушила молчание.

– Вот эти марафонские заплывы и погубили его. Его нашли где-то близ Риги и так и не выяснили причину, по которой он утонул.

– Ваня! Ты видишь Игоря? – Женщина приподнялась, опершись на плечо мужа.

Иван показал пальцем в сторону моря. Далеко далеко ед ва виднелась голова мальчика. Лида как-то неестественно улыбнулась и, по пояс, войдя в воду, поплыла брассом к сыну. Иван, оставшись на берегу в одиночестве, прилег на спину и задумался.

Прошло время. Солнце жгло плечи. «Непоседа жена моя... и Игорек в нее весь. Впрочем, я и сам люблю заплывать далеко в море», – думал Иван. Легкий ветерок взметнул песок на пляже. Иван протер глаза и глянул на воду, ища взглядом своих. На море появилась легкая рябь.

Гитарист продолжал наигрывать что-то грустное. Он был одет в черную выцветшую рубаху, на голове у него красовалась старая соломенная шляпа.

Иван привстал. Ветер опять взметнул столбы пыли. Далеко среди бурунов то терялась, то появлялась чья-то голова. По направлению к ней рвалась вторая. Иван по цвету, шапочки узнал жену. Тот, кто плыл впереди, видимо, был его сын. Иван присмотрелся: «Почему он не

возвращается, уже целый час, как он в воде. Приехали всего на два дня, и этот чертенок не дает отдохнуть, как следует», – подумал Иван.

Он вошел в воду и поплыл, мощными толчками рассекая волны. За несколько взмахов миновав буйки, он перешел на брасс. Широкими движениями плыл сорокалетний мужчина, наслаждаясь водой и думая о том, чтоб не потерять направления. Долго плыл так, потом перевернулся на спину и посмотрел на берег – около пятисот метров было пройдено, но жены и сына все еще не видно.

Иван ватерпольным приемом вырвался из воды по пояс. За полторы секунды успел зафиксировать их взглядом в трехстах метрах от себя, и тут же, не мешкая, поплыл в их сторону. Тревожное ощущение охватило его, когда он увидел побелевшее лицо жены. Она потеряла шапочку, и волосы, спутавшись, закрывали ей глаза. Женщина, молча, показала головой в сторону сына.

Иван взглянул на него. Лицо мальчика скривилось в гримасе от боли. Отец нырнул и, нащупав руками его ногу, укусил в то место, где она была сведена судорогой. Игорь почувствовал облегчение и медленно поплыл в сторону берега. Но сейчас уже плохо стало Лиде. Она целых триста метров тащила на себе сына, силы ее были на исходе, и она еле-еле держалась на воде. А волнение на море усиливалось. Иван взял руку жены, перекинул ее себе за шею и поплыл вслед за сыном. Подтянувшись к нему, снова увидел на его лице гримасу боли. «Па... – с трудом выговорил тот, глотнув соленой воды, – па... сейчас бедро свело...». Не договорив, Игорь пошел на дно. Иван едва успел схватить его за волосы. Мать из последних сил поддерживала сына, подплыв под его плечи. Отец, не теряя времени, вложил левую руку сына в правую жены, а сам, пристроившись между ними, поплыл, неся на своих плечах обоих.

Игорек от боли терял сознание. «Нет, так не годится, наглотается соленой воды», – подумал Иван и приподнял рукой его голову. Сейчас ему приходилось работать только ногами и одной рукою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.